Духъ разрушающій есть духъ созидающій. *У рабочихъ нѣтъ отечества.*

Рабочее Знамя

Органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.

№ 7. Женева. Ноябрь 1916. № 7

СОДЕРЖАНІЕ:

Первые всходы.
Фридрихъ Адлеръ.
Рабочій. О товарищѣ Лурадурѣ.
Александръ Ге. Соціалистическое грѣхопаденіе.
Оводъ. Цѣли войны.
Александръ Ге. „Патріотизмъ“ Бакунина.
Книжникъ. Эра анархическихъ покушеній во Франціи.
Л. Н. Толстой. По поводу Конгресса о Мирѣ.
Э. Къ разгрому Арбейтерфрейнда.
С. Г. Фругъ.
Отъ Редакціи. Они насъ не любятъ.
Резолюція Ливерпульской группы.
Почтовый ящикъ.
Кассовый отчетъ.

ПЕРВЫЕ ВСХОДЫ.

Одинъ изъ главныхъ виновниковъ войны, австрійскій премьеръ-министръ графъ Штюркъ, убитъ.

Преступленія, совершаемыя надъ народными массами, никогда долго не остаются безнаказанными. Австрійское правительство послало на смерть сотни тысячъ молодыхъ жизней, — глава этого правительства понесъ должное наказаніе.

Онъ заслужилъ его.

Но онъ — не единственный, виновный передъ народной совѣстью, и не послѣдній, кого коснулась рука народнаго мщенія.

Когда всѣ милліоны людей, нынѣ по приказу своихъ властителей убивающіе другъ друга, возвратятся къ своимъ разрушеннымъ домашнимъ очагамъ; когда они снимутъ военные мундиры и вновь почувствуютъ себя обыкновенными, простыми людьми; когда они увидятъ, сколько отцовъ и сыновей убито и съ болью поймутъ, что убитые ужъ не вернутся; когда придутъ въ родные свои поселки всѣ искалѣченные и раненые, и человѣчество съ ужасомъ убѣдится, что оно наполовину превращено въ отвратительную кучу безпомощныхъ и жалкихъ инвалидовъ; когда, вслѣдствіе повсемѣстной государственной задолженности, каждому „защитнику отечества“ придется платить непомѣрно тяжкіе налоги и бѣдняки отдававшіе правительствамъ свои жизни, увидятъ, что правительства отбираютъ отъ нихъ еще и послѣднія крохи, чтобы отдать богачамъ то, что было занято у нихъ подъ военные займы, и чтобы платить по этимъ займамъ финансистамъ проценты; когда, вслѣдствіе обложенія пошлинами и налогами продуктовъ первой необходимости, жизнь вздорожаетъ и семьи нынѣшнихъ „защитниковъ отечества“ не будутъ имѣть куска хлѣба, — тогда народы прозрѣютъ и сразу поймутъ, что они сдѣлались жертвою самаго грандіознаго въ исторіи человѣчества надругательства и обмана.

И понявъ, они обратятъ гнѣвъ свой противъ виновныхъ, — противъ благоденствующей въ потокахъ народной крови буржуазіи и противъ ея преступныхъ правительствъ.

Это будетъ эпоха террора. Террора не только индивидуальнаго, а массоваго, революціоннаго. И тогда придется отвѣтить передъ народнымъ судомъ не одному какому, нибудь графу Штюрку, а всѣмъ, виновнымъ въ международной бойнѣ, и всѣмъ, живущимъ эксплуатаціей и кровью трудящихся классовъ.

Это будетъ — Соціальная Революція. Послѣдняя схватка освободившейся, раскованной народной души съ повергнутымъ въ прахъ буржуазнымъ Государствомъ.

Фридрихъ Адлеръ.

Фридрихъ Адлеръ, убившій графа Штюрка, — сынъ извѣстнаго депутата и предсѣдателя соціалистической фракціи австрійскаго рейхсрата, доктора Виктора Адлера.

Онъ родился въ 1879 году. Образованіе получилъ отчасти въ Вѣнѣ, отчасти въ Цюрихѣ, гдѣ окончилъ университетъ со степенью доктора философіи. Впослѣдствіи онъ былъ допущенъ, въ качествѣ приватъ-доцента, къ чтенію лекцій по физикѣ въ цюрихскомъ университетѣ.

Въ русской колоніи Цюриха хорошо знали Адлера и очень хорошо относились къ нему. Онъ былъ, какъ и его отецъ, соціальдемократомъ, часто читалъ рефераты въ рабочихъ кружкахъ и былъ членомъ Редакціи соціальдемократической газеты „Volksrecht“. Тамъ, насколько намъ извѣстно, его недолюбливали, и у него часто происходили принципіальныя разногласія съ остальными членами Редакціи.

Около пяти лѣтъ тому назадъ Адлеръ уѣхалъ изъ Цюриха въ Вѣну, гдѣ началъ издавать соціалистическій журналъ „Der Kampf“, въ которомъ принимали участіе наиболѣе видные соціалистическіе литераторы Австріи, какъ Карлъ Реннеръ, Адольфъ Браунъ и Отто Бауеръ. Но съ начала войны гармонія между Адлеромъ и остальными сотрудниками его журнала исчезла. Въ то время какъ большинство австрійскихъ соціальдемократовъ, въ томъ числѣ и его отецъ, всегда и раньше бывшій оппортунистомъ, встало на точку зрѣнія защиты отечества, Фридрихъ Адлеръ объявилъ себя противникомъ войны и интернаціоналистомъ, выставивъ теоретическимъ пунктомъ отправленія тезисъ, что „солидарность рабочаго класса всѣхъ странъ значительно важнѣе, нежели солидарность всѣхъ классовъ одной страны“. Его голосъ былъ почти одинокимъ въ партіи, и онъ скоро почувствовалъ себя изолированнымъ. Одиночество, однако, не испугало его. Наоборотъ, онъ все больше эволюціонировалъ влѣво и незадолго до совершенія своего акта опубликовалъ воззваніе къ трудящемуся населенію Австріи, въ которомъ требовалъ немедленнаго прекращенія войны.

На допросѣ Фридрихъ Адлеръ заявилъ, что онъ „совершилъ свой поступокъ въ полномъ согласіи со своими воззрѣніями.“ Значитъ ли это, что онъ окончательно ушелъ отъ школы историческаго матеріализма? Въ скоромъ будущемъ мы узнаемъ это.

Пока же съ увѣренностью можно утверждать, что Фридрихъ Адлеръ, совершая свой террористическій актъ, явился точнымъ выразителемъ настроенія трудящихся классовъ не только Австріи, а и всѣхъ остальныхъ странъ, втянутыхъ въ войну, и что въ этомъ смыслѣ его актъ имѣетъ глубокое симптоматическое значеніе.

О товарищѣ Лурадурѣ.

„Люди, создавъ условія жизни такими, что истина и справедливость въ нихъ вмѣщаться не могутъ, замѣнили ихъ „правосудіемъ“.

Холоднымъ и мстительнымъ чудовищемъ, называемымъ людьми правосудіемъ, приговоренъ въ Невшателѣ 17 іюля нашъ товарищъ Лурадуръ къ десятилѣтнему тюремному заключенію.

Родомъ изъ Франціи, но не чувствуя никакой потребности защищать свою милую родину, Лурадуръ въ самомъ началѣ войны принужденъ былъ бѣжать въ Швейцарію, гдѣ онъ проживалъ два года съ чужими паспортами и подъ различными именами. Типографъ по профессіи, онъ скитался изъ одного города въ другой, а послѣднее время жилъ въ Шо-де-Фонѣ, гдѣ за короткое время своего пребыванія онъ вторично попадаетъ въ цѣпкія руки тѣхъ, кто стоитъ „на стражѣ общественнаго благополучія“.

Въ первый разъ онъ былъ арестованъ въ концѣ декабря пр. г. какъ дезертиръ, укрывающійся подъ чужимъ именемъ. Впослѣдствіи выяснилось, что арестъ произведенъ на основаніи доноса: одинъ изъ враговъ Лурадура, провокаторъ, изъ Лозанны донесъ властямъ въ Шо-де-Фонѣ, что въ ихъ округѣ скрывается подъ чужимъ именемъ опасный анархистъ, котораго онъ, какъ вѣрный слуга своего отечества, совѣтуетъ немедленно арестовать. Товарищи безуспѣшно старались разыскать автора этого письма, который подписался вымышленной фамиліей.

Во время слѣдствія дѣло Лурадура приняло дурной оборотъ. Въ полицейскихъ архивахъ нашлись документы, указывающіе, что онъ уже былъ однажды выселенъ изъ предѣловъ Швейцаріи на французскую границу. Затѣмъ въ руки суда попало письмо, не пропущенное военной цензурой, написанное Лурадуромъ одному товарищу заграницей. Многое въ этомъ письмѣ указывало на приверженность Лурадура къ анархической дѣятельности.

Все это грозной тучей висѣло надъ его головой и навѣрно разразилось бы грозой, если бы не горячее участіе и неустанныя заботы нашей группы и мѣстной лиги „защиты правъ человѣка“. Рабочее населеніе также приняло въ Лурадурѣ самое близкое участіе. Благодаря этому онъ былъ оправданъ и 18 февраля выпущенъ на свободу. Онъ по старому сталъ аккуратно посѣщать наши субботнія собранія, гдѣ я имѣлъ случай лучше изучить его.

Не могу сказать, чтобы онъ особенно выдѣлялся среди другихъ товарищей по группѣ. Наоборотъ, во время дискуссій онъ даже часто высказывался правѣе остальныхъ. Но что легко можно было въ немъ замѣтить, — это *чувство бунта*, воспринятое имъ отъ Бакунина, котораго онъ много читалъ и очень любилъ.

На этотъ разъ Лурадуру не удалось пробыть на свободѣ и полгода. Недреманное око правосудія не переставало заботиться о немъ. 25 іюля къ нему опять является жандармъ съ требованіемъ послѣдовать за нимъ въ полицію для объясненій по поводу неуплаты штрафа, наложеннаго на него судомъ и который онъ отказывался платить *принципіально*.

При входѣ въ зданіе полиціи Лурадуръ лицомъ къ лицу встрѣчается съ арестовавшимъ его въ первый разъ сыщикомъ. Съ одной стороны подозрѣніе, что его собираются отправить въ вандальскую тюрьму, съ другой — неудержимая ненависть къ потерявшему всякій человѣческій обликъ звѣрю-сыщику лишили его самообладанія. Онъ выхватываетъ изъ кармана револьверъ, съ которымъ никогда не разставался, и стрѣляетъ сначала въ сыщика, а затѣмъ въ себя. Первая пуля не попала въ цѣль, второй выстрѣлъ даетъ осѣчку.

Снова тюрьма, снова судъ и тяжелый приговоръ къ десяти годамъ заключенія.

Нѣкоторые товарищи осудили необдуманный, ни къ чему не ведущій поступокъ Лурадура. Я тоже далеко не приверженецъ такихъ выступленій, польза которыхъ къ тому же далеко не оправдываетъ лишеній и страданій, слѣдуемыхъ за ними, почти никогда не находясь въ соотвѣтствіи съ ними. Но если такой поступокъ совершается подъ вліяніемъ глубокой, непреодолимой ненависти ко злу, то его не только нельзя осудить, а онъ достоинъ нашего глубокаго уваженія и нашей величайшей благодарности. Только общество, полагающее, что все въ немъ обстоитъ такъ, какъ иначе и не должно быть, только современное общество, живущее эксплуатаціей, можетъ ненавидѣть Лурадуровъ, нарушающихъ его блаженное, но преступное благополучіе.

Будь люди, осудившіе Лурадура, не духовно нищіе и душевно подлые, они прежде всего искали бы причину его покушенія не въ немъ, а въ самихъ себѣ и въ томъ общественномъ укладѣ, которому они служатъ. Обладай они вмѣсто цѣлаго вороха безсмысленныхъ законовъ одной капелькой истины; вмѣсто алчнаго желанія покупать свои привилегіи цѣною страданій и лишеній Лурадуровъ — справедливостью, они познали бы, что нельзя втискивать въ узенькій гробъ ихъ эгоистическихъ законовъ и понятій чувства и понятія человѣка, далеко переросшаго ихъ, который, считая ихъ укладъ и ихъ законы несправедливыми, не могъ и не желалъ подчиняться имъ.

Но господа положенія подобной честностью не обладаютъ. Они прекрасно знаютъ, что Лурадуры — не враги народа, а ихъ собственные личные враги. Поэтому они, признавая за собою неотъемлемое право всѣми средствами защищать своего ребенка отъ гнуснаго насилія негодяя, за своими врагами этого права не признаютъ.

У Лурадура было единственное дорогое дитя — его убѣжденіе, что „жить надо не какъ велятъ, а какъ должно“. И когда онъ видѣлъ, что это его убѣжденіе на каждомъ шагу растаптывается грубыми солдатскими сапогами развязанныхъ въ упоеніи своей властью жандармовъ и сыщиковъ, онъ не могъ не защищать его всѣми средствами.

Грубая сила, называемая правосудіемъ, одолѣла его и онъ временно выбитъ изъ строя борцовъ за освобожденіе человѣчества. Но борцовъ осталось еще много, ихъ съ каждымъ днемъ становится все больше, и недалекъ уже тотъ часъ, когда они сокрушатъ преступное общество, вдохновляющее и воплощающее эту грубую силу.

Проклятье насилію! Хвала борцамъ за освобожденіе!

Рабочій.

Соціалистическое грѣхопаденіе и возрожденіе Рабочаго Интернаціонала.

(Окончаніе).

4. Интернаціоналъ.

Въ предидущихъ главахъ, говоря объ организаціи буржуазнаго общества, мы подчеркнули, что въ основу ея положенъ принципъ Государственности. При этомъ мы привели слѣдующіе тезисы:

1. Государство возникло какъ организація для охраны частной собственности.

2. Впродолженіе своего существованія оно неоднократно измѣняло свою внѣшнюю форму, никогда не мѣняя своего первоначальнаго назначенія.

2. Наиболѣе совершенной и развернутой формой буржуазнаго господства является демократія.

4. Демократія, какъ и всякая другая, предшествовавшая ей форма Государственности, является тоже лишь организаціей для охраны частной собственности.

5. Изъ всѣхъ общественныхъ классовъ одинъ только пролетаріатъ стремится къ уничтоженію частной собственности.

6. Поэтому рабочій классъ враждебно относится ко всѣмъ формамъ Государственности, въ томъ числѣ и къ демократіи, которая является наиболѣе утонченнымъ, наиболѣе приспособленнымъ орудіемъ буржуазнаго господства.

Въ согласіи съ этими тезисами, мы всегда разсматривали всякое Государство лишь какъ орудіе угнетенія рабочаго класса, послѣдовательно отрицали принципъ классоваго сотрудничества съ буржуазіей и призывали пролетаріатъ къ неуклонной, непримиримой борьбѣ противъ буржуазіи и ея политической организаціи — Государства.

Но мы были не единственными идеологами рабочаго класса. Сильное и, къ сожалѣнію, чреватое пагубными послѣдствіями вліяніе на него имѣла международная соціальдемократія, положившая въ основу своей тактики принципъ классоваго и государственнаго сотрудничества.

Эти двѣ тактики рабочей борьбы противостояли другъ другу еще въ эпоху Перваго Интернаціонала и послужили поводомъ къ его расколу.

Мѣсто Перваго Интернаціонала занялъ Второй. Мы не можемъ здѣсь останавливаться на немъ детально, а скажемъ лишь въ общихъ чертахъ, что онъ явился историческимъ выразителемъ эпохи упадка, декаданса въ рабочемъ движеніи. Онъ завершилъ эту эпоху, призвавъ пролетаріатъ къ взаимоистребленію и доказавъ на дѣлѣ, что онъ впродолженіе четверти вѣка служилъ не идеѣ, классовой солидарности международнаго пролетаріата, а цѣлямъ буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ доказалъ всю ложность государственно-соціалистической теоріи, которую провозглашала международная соціальдемократія.

Дѣйствительно, между буржуазной и соціальдемократической концепціями по вопросамъ о Государствѣ, о культурѣ, о націи и объ отечествѣ по существу не было рѣшительно никакой разницы. Не было ея и по вопросу о рабочей тактикѣ, ибо обѣ концепціи — какъ буржуазная, такъ и соціальдемократическая — исходили изъ одного и того же основного принципа классоваго сотрудничества. На практикѣ признаніе этого принципа руководящимъ всегда заставляло соціальдемократію быть національной и вести національную политику въ самомъ буржуазномъ значеніи этого понятія. Признавъ государственную организацію законнымъ институтомъ, въ рамкахъ котораго должна протекать борьба рабочаго класса, она вынуждена была признать также необходимость всѣхъ учрежденій, связанныхъ съ государственнымъ устройствомъ и заботящихся о цѣлостности Государства. Отсюда вотированіе бюджетовъ, включающихъ кредиты на тайную дипломатію, на тайную и явную полицію и на милитаризмъ. Вотируя бюджеты, соціальдемократія всегда дѣлалась соучастницей буржуазіи въ ея борьбѣ противъ рабочаго класса, сознательно снабжая ее матеріальными средствами для веденія этой борьбы. Въ концѣ концовъ тактика классоваго сотрудничества привела, какъ мы уже сказали, къ призыву пролетаріата защищать свои „отечества“, т. е. интересы національнаго Капитала.

Второй Интернаціоналъ пропиталъ рабочій классъ буржуазной идеологіей. Его можно разсматривать какъ удачную буржуазную попытку легализировать рабочее движеніе, отвлечь его отъ непосредственной борьбы противъ буржуазіи путемъ вовлеченія его на путь законнаго, классово-государственнаго сотрудничества.

Попытка это вполнѣ удалась и привела къ результатамъ, къ которымъ буржуазія стремилась: къ самоотрицанію рабочаго класса въ ея пользу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она привела къ гибели Второй Интернаціоналъ, который съ момента объявленія войны распался на національныя, враждебныя другъ другу секціи и этимъ доказалъ на дѣлѣ, что идейныя основы, изъ которыхъ онъ исходилъ, не имѣли ничего общаго съ пролетарской идеологіей, въ основу которой положенъ принципъ международной солидарности рабочаго класса.

II.

Первый Интернаціоналъ вмѣщалъ въ себѣ цѣлый рядъ различныхъ идеологій, которыми былъ пропитанъ рабочій классъ того времени, въ томъ числѣ даже буржуазный радикализмъ, не говоря уже о томъ, что въ немъ были представлены также теоріи расплывчатаго гуманитарнаго и этическаго соціализма Оуэна, Фурье и другихъ соціологовъ-утопистовъ предшествовавшей эпохи. Но главная борьба происходила въ немъ между двумя компактными идейными группировками, изъ которыхъ одна исповѣдывала анархическія теоріи Прудона и Михаила Бакунина, а другая — теоріи государственнаго соціализма Карла Маркса.

Первый Интернаціоналъ жилъ въ періодъ классоваго пробужденія международнаго пролетаріата, совпавшій съ прусско-австрійской и франко-прусской войнами, съ паденіемъ монархіи во Франціи, съ парижской Коммуной, эпохою расцвѣта гарибальдизма въ Италіи и другими крупными событіями, разыгравшимися въ то время на общеевропейской аренѣ. Онъ не только регистрировалъ, не только впитывалъ въ себя эти событія, но и реагировалъ на нихъ, являясь выразителемъ отношенія къ нимъ пролетаріата, какъ обособленнаго классоваго организма въ обществѣ, принимающаго и обсуждающаго политическія событія съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ интересовъ.

Сегодня, какъ и полвѣка тому назадъ, мы опять находимся передъ задачей новой международной организаціи рабочаго класса, организаціи явно аггрессивной по отношенію къ капиталистическому обществу, и мы должны положить въ основу ея не расплывчатую фразеологію пустозвоннаго революціонаризма, а ясно отчеканенные принципы классово-революціонной борьбы. Сегодня, какъ и тогда, мы переживаемъ эпоху вооруженнаго разрѣшенія конфликтовъ, назрѣвшихъ между національно-капиталистическими государственными группировками, и намъ, поскольку мы хотимъ быть не только пассивными свидѣтелями настоящаго, а и активными творцами будущаго, необходимо точно опредѣлить тѣ основы, на которыхъ мы собираемся строить. Рабочій классъ достаточно платился за свои ошибки и пролилъ слишкомъ много крови за свою преданность враждебнымъ ему идеологіямъ. Теперь ему предстоитъ, наконецъ, твердо упрочиться на своей собственной, исключительно пролетарской идеологіи и на ней построить свою тактику.

Каковы же принципы, которые должны быть положены въ основаніе грядущаго Рабочаго Интернаціонала?

Это — принципы Анархіи, провозглашенные Бакунинымъ для перваго Интернаціонала и сводящіеся къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

Революціонная организація пролетаріата для непосредственной борьбы противъ Капитала и Власти, т. е. для Соціальной Революціи. Никакихъ „промежуточныхъ“, минимальныхъ программъ. Отрицаніе классоваго сотрудничества между буржуазіей и пролетаріатомъ. Противопоставленіе буржуазному націонализму и связанному съ нимъ патріотизму — желѣзнаго принципа международной рабочей солидарности. Активный антимилитаризмъ, связанный съ массовымъ отказомъ отъ исполненія воинской повинности. Активная антигосударственность, проявляющаяся, между прочимъ, въ массовомъ отказѣ отъ платежа налоговъ.

Эта программа состоитъ изъ двухъ частей: разрушительной и созидательной.

Разрушительная ея часть преслѣдуетъ полное уничтоженіе всѣхъ экономическихъ, политическихъ, религіозныхъ и соціальныхъ учрежденій капиталистическаго строя. Созидательная часть — устройство новаго общества, основаннаго на экономическомъ равенствѣ, на полномъ освобожденіи труда, и состоящаго изъ свободной федераціи автономныхъ, самоуправляющихся общинъ, всецѣло гарантирующихъ личную свободу каждаго индивидуума.

Всякое отклоненіе отъ этой программы будетъ уступкою буржуазному обществу. Новый Интернаціоналъ, не принявшій интегрально максимальной антикапиталистической и вмѣстѣ съ тѣмъ антигосударственной программы, никогда не будетъ Рабочимъ Интернаціоналомъ. И, наоборотъ, только такой Интернаціоналъ будетъ классово-пролетарскимъ, который въ кругъ своей дѣятельности включитъ активную антигосударственность.

Александръ Ге.

Цѣли войны.

I.

„Отливайте пушки и везите ихъ на позиціи!“ — громогласно провозгласилъ вначалѣ войны анархистъ Кропоткинъ.

„Говорить о мирѣ въ настоящій моментъ, это — играть на руку нѣмецкой военной партіи“ — не менѣе авторитетно провозгласилъ онъ полтора года спустя, когда со стороны циммервальдцевъ раздались робкія, ни въ чемъ не нарушающія буржуазнаго благополучія требованія „мира безъ аннексій“.

Шейдеманъ, Зюдекумъ, Адлеръ, Бауеръ, Де-Амбрисъ, Биссолати, Кропоткинъ, Плехановъ, Вандервельде, Грейлихъ, Гэдъ, Тома, Кейръ-Гарди, Гюйсмансъ и имя имъ легіонъ, — всѣ столпы Второго Интернаціонала и признанные вершители судебъ международнаго пролетаріата, — вмѣсто того чтобы призвать рабочихъ къ неповиновенію своимъ правительствамъ въ моментъ объявленія мобилизаціи и этимъ воспрепятствовать войнѣ, провозгласили тотъ же позорный лозунгъ „Отливайте пушки!“ А когда изъ глубинъ народной души, изъ нѣдръ замученныхъ и протестующихъ народныхъ массъ, безпомощно мечущихся въ цѣпкихъ лапахъ разбойнической буржуазіи, раздается слабый крикъ протеста, признанные „представители“ народа авторитетно заявляютъ: „Говорить теперь о мирѣ, это — играть на руку нѣмцамъ“. Какъ будто тѣмъ, что они толкаютъ народы къ продолженію преступной бойни, къ „войнѣ до конца“, они дѣйствуютъ въ интересахъ трудящихся классовъ.

И они, дѣйствительно, утверждаютъ это. Утверждаютъ, но не думаютъ. Больше того, — *они знаютъ*, что настоящая война не преслѣдуетъ *ни съ чьей стороны* никакихъ ни гуманитарныхъ, ни освободительныхъ, ни вообще этическихъ цѣлей, — что она, какъ всякая имперіалистическая война въ большемъ или меньшемъ масштабѣ, есть лишь организованный грабежъ, лишь организованное нападеніе одной части международнаго Капитала, искусственно разбитаго на національно-государственныя группировки, на другую часть его. Германскіе соціалъ-капралы, отвозя крупповскія орудія на бельгійскія позиціи, прекрасно сознавали, что разореніе Бельгіи и сѣверо-запада Франціи не есть способъ защиты „отъ русскаго варварства“, ибо для того, чтобы защищаться отъ нападенія съ востока, вовсе незачѣмъ направляться на западъ. Они *знали*, что „русское варварство“ тутъ ни при чемъ, что война имѣетъ совсѣмъ другія цѣли и другой масштабъ. И все же они еще долго продолжали поддерживать въ своихъ массахъ обманъ относительно „оборонительнаго“ характера ея для ихъ страны. Версія англійскихъ соціалъ-капраловъ о томъ, что Англія ополчилась исключительно на защиту попранныхъ правъ Бельгіи, очень скоро тоже оказалась оффиціальной ложью, ибо документально выяснилось, что между Англіей и Франціей еще *до* нарушенія бельгійскаго нейтралитета существовало военное соглашеніе. Версія французскихъ и прочихъ соціалъ-патріотовъ о войнѣ „за свободу“, „за цивилизацію“ и прочія „культурныя“ блага является съ самаго начала ничѣмъ инымъ, какъ лицемѣрнымъ обманомъ, разсчитаннымъ на народную глупость, ибо Франція, заключивъ съ Россіей военный союзъ, втеченіе четверти вѣка матеріально поддерживала русскую *реакцію* и помогала русскому самодержавію *бороться съ революціей* вовсе не изъ фанатической преданности идеямъ „свободы“ и „культуры“. Изъ любви къ свободѣ помогать давить ее и изъ любви къ культурѣ провозглашать „единство интересовъ“ съ самой антикультурной, самой отсталой и самой реакціонной монархіей европейскаго континента, проводящей у себя дома „культуру нагайки и штыка“, что можетъ быть болѣе фальшиво, болѣе лицемѣрно-глупо и *болѣе преступно* по отношенію къ культурнымъ цѣнностямъ *и идеаламъ свободы?*

Методъ одурачиванія народныхъ массъ, которыя въ эту войну служатъ пушечнымъ мясомъ для вящаго обогащенія клики международныхъ разбойниковъ, всюду былъ одинъ и тотъ же. И также во всѣхъ странахъ соціалистическіе и всякіе другіе лицемѣры, карьеристы или выжившіе изъ ума „апостолы“, въ мирное время метавшіе громы и молніи противъ буржуазіи и правительствъ, поспѣшили доказать, что они всюду лишь вѣрноподданные служители своихъ правительствъ и рабски послушные исполнители ихъ приказаній и наиболѣе завѣтныхъ желаній. „Смерть неразумнымъ хаварамъ! — хоромъ вопятъ, бряцая оружіемъ, готовящіеся къ хищническому ограбленію другъ друга Вильгельмы, Францы, Николаи, Георги и Бріаны. „Отливайте пушки!“ — истерически подхватываютъ, забѣгая впередъ, соціалистическіе друзья и попечители народовъ. Какъ будто бы интересы народовъ въ томъ именно и заключаются, чтобы Вильгельмъ отобралъ у Николая Польшу, Пуанкаре у Вильгельма Эльзасъ, Николай у Абдула Константинополь. Какъ будто для торжества культуры и цивилизаціи обязательно нужно истребить милліоны нѣмцевъ и болгаръ, французовъ или англичанъ. И какъ будто бы на Конференціи Мира, воздвигнутой на искалѣченныхъ разрывными снарядами трупахъ милліоновъ прекрасныхъ и сильныхъ молодыхъ жизней, жизней крестьянъ и рабочихъ, будутъ рѣшаться соціальныя проблемы, касающіяся улучшенія быта трудящихся классовъ!

II.

Нѣтъ, не будутъ.

Не будутъ потому, что не для рѣшенія ихъ война была начата, не къ нимъ она стремится и не для нихъ будетъ кончена.

Въ основѣ войны лежатъ крупныя экономическія противорѣчія двухъ колоссальныхъ финансовыхъ

группировокъ, каждая изъ которыхъ состоитъ изъ различныхъ государственно-національныхъ капиталистическихъ единицъ, которыя объединились въ два враждебныхъ другъ другу капиталистическихъ и, слѣдовательно, политическихъ треста.

Задачею войны является *насиліемъ* разрѣшить эти противорѣчія.

Война *нормально* кончится, если обоимъ капиталистическихъ трестамъ, ведущимъ ее, или одному изъ нихъ, удастся довести ее до конца и если одинъ изъ нихъ рѣшительно восторжествуетъ физически надъ другимъ.

Въ предвидѣніи такого нормальнаго конца, т. е. рѣшительной *военной* побѣды надъ противникомъ, оба воюющихъ треста, каждый для себя, заранѣе предрѣшаютъ и устанавливаютъ *условія мира*, которыя должны стать предметомъ обсужденій и работъ будущей Мирной Конференціи.

Аннексіонистскіе проекты германско-австрійской коалиціи извѣстны и на нихъ мы останавливаться не будемъ. Они въ главныхъ чертахъ сводятся къ аннексіи Бельгіи и Польши, къ колоніальнымъ захватамъ, къ территоріальнымъ перетасовкамъ на Балканахъ, къ уничтоженію морской гегемоніи Англіи и къ экономическому порабощенію противной группы путемъ навязанія ей невыгодныхъ торговыхъ договоровъ.

Насъ больше интересуютъ сейчасъ условія мира, вырабатываемыя на дипломатическихъ конференціяхъ державъ Четверного Согласія, т. е. той „идеальной" группировки, которая, по увѣреніямъ международныхъ соціалистическихъ кликушъ всѣхъ оттѣнковъ, защищаетъ лишь свободу, право, справедливость и принципъ національностей; которая, какъ утверждаютъ эти кликуши, ведетъ войну *безкорыстно*, лишь защищая при помощи пушекъ „славное наслѣдіе прошлаго" и „высшіе идеалы современности".

Каковы же эти условія?

По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ печатью *нейтральныхъ* странъ, державы Четверного Согласія на одной изъ своихъ конференцій, весною этого года, окончательно установили и подписали соглашеніе, въ силу котораго миръ „безъ аннексій" и „по національному принципу" долженъ быть заключенъ на слѣдующихъ основныхъ началахъ:

а) Россія получаетъ Константинополь со всѣмъ его „гинтерляндомъ", также Арменію и Галицію и кромѣ того, по соглашенію съ Англіей, часть Персіи.

б) Франція получаетъ Эльзасъ, Сирію и часть Малой Азіи.

в) Италія получаетъ другую часть Малой Азіи, часть Албаніи и „компенсаціи" на Адріатическомъ побережьи.

г) Англія получаетъ часть Персіи и окончательно аннексируетъ Египетъ, Месопотамію и Австралію. Палестина будетъ преобразована въ „нейтральное" государство подъ протекторатомъ союзниковъ.

д) Сербія увеличивается за счетъ Болгаріи и Австріи и получаетъ выходъ къ морю.

е) Бельгія и Португалія будутъ награждены колоніями.

На высказанное французскими делегатами въ робкой формѣ „пожеланіе", чтобы русское правительство предоставило *формальное* рѣшеніе польскаго вопроса Мирной Конференціи, русскіе делегаты *категорически* заявили, что они разсматриваютъ польскій вопросъ какъ относящійся ко *внутренней политикѣ* Россіи и, согласно полученному ими императивному мандату, *никакого вмѣшательства союзниковъ во внутреннюю политику Россіи допустить не могутъ*. Арменія, по ихъ заявленію, тоже будетъ не автономнымъ государствомъ, договорно связаннымъ съ Россіей, а, на подобіе Финляндіи, русской провинціей съ мѣстнымъ самоуправленіемъ.

Таковъ „демократическій" миръ союзниковъ, таковы должны быть реальные результаты ихъ военнаго „самопожертвованія" за „свободу" и „торжество національнаго принципа". И таковы „великіе идеалы", для достиженія которыхъ мы должны „отливать пушки" и почитать за великую честь смерть на полѣ брани....

О соціальныхъ преобразованіяхъ для облегченія участи трудящихся классовъ, по предписанію своихъ патентованныхъ руководителей проливающихъ моря крови для удовлетворенія ненасытныхъ аппетитовъ шайки финансовыхъ хищниковъ, ни на одной изъ предварительныхъ конференцій не упоминалось. Не будетъ упоминаться и впредь. На Конференціи Мира, если только ей суждено осуществиться, господамъ положенія незачѣмъ и некогда будетъ вспоминать „о культурѣ". Они будутъ дѣлить добычу, а не вырабатывать программу соціальныхъ преобразованій. Они — реальные политики, а не безсодержательные, сентиментальные фразеры. . . . . .

. . . . . .

Отливайте пушки, товарищи, — пригодятся! Пушки стрѣляютъ не только подъ военные марши! Скоро онѣ еще сильнѣе загрохочутъ подъ звуки Карманьолы!

Оводъ.

„Патріотизмъ" Бакунина.

Кропоткинъ, Коръ и прочіе анархо-демократы, призывающіе рабочихъ подъ знамена правительственныхъ войскъ, неоднократно ссылались на авторитетъ Бакунина, доказывая, что онъ въ 1870 г., когда Франція потерпѣла военное пораженіе отъ нѣмцевъ, тоже призывалъ рабочихъ къ защитѣ ея. При этомъ они выставляли единственнымъ аргументомъ въ пользу этой ссылки то мѣсто изъ „Писемъ къ одному французу", гдѣ Бакунинъ говоритъ:

„А! если бы Франція подверглась нашествію пролетарской арміи изъ Нѣмцевъ, Англичанъ, Бельгійцевъ, Испанцевъ или Итальянцевъ, высоко несущихъ знамя революціоннаго соціализма и возвѣщающихъ міру конечное освобожденіе труда, я первый крикнулъ бы рабочимъ Франціи: „Откройте имъ ваши объятія, это ваши братья, и соединитесь съ ними, чтобы вымести послѣдніе гніющіе остатки буржуазнаго строя!" Но нашествіе, которое приноситъ безчестіе современной Франціи, отнюдь не демократическое и соціальное, — это нашествіе аристократическое, монархическое и военное. Пятьсотъ или шестьсотъ тысячъ нѣмецкихъ солдатъ, которые сейчасъ наводняютъ Францію, — покорные подданные, рабы деспота, который весь зачумленъ своимъ божескимъ правомъ. Ими управляютъ и командуютъ какъ автоматами офицеры и генералы, вышедшіе изъ самой высокомѣрной аристократіи, которые — спросите объ этомъ у вашихъ нѣмецкихъ братьевъ-рабочихъ — самые яростные враги пролетаріата. Принявъ ихъ мирно, оставшись безучастными и пассивными передъ лицомъ этого нашествія нѣмецкаго деспотизма, аристократіи и милитаризма на французскую территорію, французскіе рабочіе предали бы не только свое собственное достоинство, свою свободу, свое благоденствіе со всѣми надеждами на лучшее будущее, — они также предали бы дѣло пролетаріевъ всего міра, священное дѣло революціоннаго соціализма."

На первый взглядъ дѣйствительно можетъ показаться, — и этимъ пользуются буржуазные и анархо-патріотическіе писатели, — что Бакунинъ призывалъ къ спасенію буржуазной Франціи отъ прусскаго нашествія совершенно также, какъ теперь дѣлаютъ это они, т. е. что онъ призывалъ рабочихъ сплотиться подъ правительственными знаменами.

На самомъ дѣлѣ это было вовсе не такъ и наши анархо-патріоты это знаютъ. Почему же они во что бы то ни стало хотятъ превратить Бакунина въ „патріота"?

Разгадка проста: имъ самимъ стыдно своего грѣхопаденія изъ чистыхъ, незатронутыхъ политиканствомъ садовъ анархическаго Эдема въ загрязненные огороды буржуазной идеологіи, гдѣ въ изобиліи процвѣтаютъ сорныя и дурно пахнущія травы. Имъ стыдно, и они хотятъ заставить насъ повѣрить, что они не одни, — что одинъ изъ величайшихъ геніевъ человѣчества, Бакунинъ, анархистъ Бакунинъ, душой и тѣломъ былъ съ ними, что они сейчасъ говорятъ то же самое, что полвѣка тому назадъ говорилъ онъ, и дѣлаютъ то же, что дѣлалъ онъ.

Но ссылка на Бакунина въ данномъ случаѣ не выдерживаетъ никакой критики. Бакунинъ никогда не призывалъ рабочихъ спасать буржуазную Францію, никогда не рекомендовалъ имъ вступать въ правительственныя войска и отливать для королей пушки.

Когда Бакунинъ, въ вышеприведенномъ текстѣ, говорилъ объ обязанности рабочихъ оказать сопротивленіе нѣмецкому нашествію, то онъ говорилъ о защитѣ не современной и не тогдашней оффиціальной, буржуазной Франціи, а Франціи революціонной. И призывалъ онъ не къ поддержкѣ правительственныхъ войскъ, а къ сверженію военныхъ властей и къ революціонно-народной самозащитѣ.

Докажемъ.

Прежде всего, Бакунинъ самъ считалъ свои „Письма къ одному французу" революціонной программой дѣйствія и весь ихъ смыслъ, все ихъ содержаніе резюмировалъ въ одной фразѣ: „Спасти Францію черезъ Анархію." А спасеніе Франціи черезъ Анархію совершенно очевидно не имѣетъ ничего общаго со спасеніемъ ея черезъ генерала Жоффра.

Да и въ отрывкѣ, который мы привели и на который ссылаются анархо-патріоты, Бакунинъ прямо говоритъ, что до буржуазной Франціи ему нѣтъ никакого дѣла, что, наоборотъ, онъ охотно отдалъ бы ее нѣмцамъ и кому угодно, „если бы Франція подверглась нашествію пролетарской арміи." А

Эра анархическихъ покушеній во Франціи (1892-1894).

I. Прологъ.

Ежегодная первомайская манифестація рабочихъ въ 1891 г. ознаменовалась кровопролитіемъ. Въ Фурми полиція Третьей Республики стрѣляла въ толпу, какъ въ непріятеля, и убила девять человѣкъ: двухъ мужчинъ, четырехъ женщинъ и трехъ дѣтей.

Жестокость и безсмысленность этой полицейской расправы долго волновали общественное мнѣніе, но въ концѣ концовъ дѣло окончилось, какъ полагается въ такихъ случаяхъ въ странѣ съ парламентскимъ режимомъ, интерпеляціей, рѣчами и резолюціей.

Вторая схватка манифестантовъ съ полиціей произошла въ Клиши. Менѣе значительная по своимъ послѣдствіямъ, она прошла почти незамѣченной, но ей суждено было сыграть видную историческую роль: она стала прологомъ къ продолжавшейся почти три года полосѣ анархическихъ покушеній во Франціи.

Событіе развыгралось слѣдующимъ образомъ:

Въ два часа дня, въ Левалуа-Перре, небольшая группа въ двадцать человѣкъ направилась отъ площади Республики по направленію къ коммунѣ Клиши. Впереди шла женщина съ краснымъ флагомъ.

Полиція настигла манифестантовъ и одинъ изъ полицейскихъ хотѣлъ вырвать у женщины красный флагъ. Началась кровавая схватка. Грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій... Одинъ полицейскій получилъ пули въ щеку и плечо, другой въ грудь.

На выстрѣлы прискакали четыре конныхъ жандарма и начали стрѣлять въ манифестантовъ, которые, за исключеніемъ трехъ, всѣ разбѣжались. Остались лишь рабочіе Декамъ, Дардаръ и Левелье. Они, несмотря на то, что были ранены, защищались какъ львы, но въ концѣ концовъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, были обезоружены, связаны и доставлены въ арестный домъ.

Тамъ ихъ „препарировали" по всѣмъ правиламъ полицейскаго искусства; били палками, топтали каблуками, колотили прикладами, — пока они не потеряли сознанія. У Декама было разорвано ухо, пробита височная кость и все лицо въ кровоподтекахъ. Дардаръ и Левелье пострадали меньше, но тоже были сильно избиты. Левелье, которому жандармы во время сраженія прострѣлили бедро, не могъ добиться воды, чтобы промыть свою кровоточащую рану. Всѣ трое на слѣдующее утро были въ такомъ видѣ, что пріѣхавшій для допроса судебный слѣдователь не могъ произвести его, а спѣшно вызвалъ медицинскую помощь для наложенія израненнымъ повязокъ.

Вскорѣ „преступники" предстали передъ судомъ. Ихъ обвиняли въ вооруженномъ сопротивленіи полиціи и нанесеніи ранъ блюстителямъ общественнаго порядка.

По обвинительному акту Дардаръ, въ моментъ появленія полиціи, скомандовалъ своимъ товарищамъ, чтобы они стрѣляли. По словамъ самихъ обвиняемыхъ они лишь защищались противъ насилія.

Самыя тяжкія улики были противъ Декама. Онъ сопротивлялся съ совершенно исключительной энергіей, съ отчаяніемъ человѣка, которому терять нечего. Разстрѣлявъ всѣ патроны и лишившись кинжала, который тоже былъ пущенъ имъ въ дѣло, онъ вырвалъ у жандарма шашку и его наносилъ удары.

На судѣ всѣ трое держались съ большимъ достоинствомъ и полнымъ сознаніемъ своей правоты. Декамъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

„Я хотѣлъ спасти свою жизнь и свободу отъ покушеній вашихъ пьяныхъ агентовъ. У меня четверо дѣтей... но вы можете гильотинировать меня. Я предпочитаю это. Съ меня довольно вашихъ тюремъ и каторжныхъ работъ. Можете отрубить мою голову, — я гордо понесу ее на эшафотъ, ибо я честенъ. Я не буду защищать ее, я отдаю вамъ ее съ возгласомъ: да здравствуетъ Анархія! Одной головой анархиста больше или меньше, — какое это имѣетъ значеніе? Это не помѣшаетъ Анархизму распространиться".

Судъ приговорилъ Декама къ пяти годамъ тюремнаго заключенія, Дардара къ тремъ годамъ, а Левелье оправдалъ.

Такъ окончилось это дѣло. Маленькое по размѣрамъ, оно, однако, вызвало большія послѣдствія

II. РАВАШОЛЬ.

1. Равашоль въ Парижѣ.

Исторія въ Клиши прошла, какъ уже сказано, почти не замѣченной ни общественнымъ мнѣніемъ, ни печатью. Общественное мнѣніе во Франціи никогда не волнуется двумя вещами сразу, а въ эту эпоху оно какъ разъ было поглощено разстрѣлами въ Фурми. Газеты же вообще предпочитаютъ замалчивать непріятныя событія, когда дѣло касается политическихъ противниковъ, тѣмъ болѣе анархистовъ.

Но въ С. Уэнѣ, въ С. Дени и вообще во всѣхъ рабочихъ кварталахъ и поселкахъ, гдѣ ютится скромная, но легко воспламеняющаяся бѣднота, только и разговоровъ было, что о мученикахъ Клиши. На сходкахъ и собраніяхъ произносились негодующія рѣчи. Ненависть къ власть имущимъ, затаенная впродолженіе долгихъ лѣтъ, нашла себѣ законный выходъ. Ораторы требовали, чтобы мученики были отомщены, чтобы месть въ первую очередь была направлена противъ предсѣдателя суда и прокурора, произнесшаго обвинительную рѣчь.

Въ это время на сценѣ появляется Равашоль, — человѣкъ дѣйствія или, какъ прозвали его буржуазныя газеты, „человѣкъ всѣхъ дѣйствій".

— Разговорами тутъ заниматься нечего, сказалъ онъ. Дѣйствуйте!

Равашоль былъ человѣкъ умный и рѣшительный. Онъ, дѣйствительно, былъ человѣкомъ „всѣхъ дѣйствій". На его совѣсти уже было пять убійствъ и нѣсколько необычайно-отважныхъ ограбленій. Онъ всей душою ненавидѣлъ богатыхъ и былъ искреннимъ другомъ всѣхъ бѣдныхъ. О немъ говорили, что у него нѣтъ совѣсти. Это неправда. У него не было ея только по отношенію къ тѣмъ, которые

какую Францію велятъ намъ защищать соціалъ—и анархо-милитаристы? Или они думаютъ, что Жоффръ, подъ знамена котораго они посылаютъ русскихъ волонтеровъ, и Франція господъ Бріановъ, для которой они велятъ везти на позиціи тяжелыя орудія, тоже „высоко несутъ знамя революціоннаго соціализма“ и, въ случаѣ наводненія Франціи пролетарской арміей, встрѣтили бы революціонныхъ солдатъ, какъ своихъ долгожданныхъ братьевъ, широко открыли бы имъ объятія и соединились бы съ ними для того, чтобы вымести изъ Франціи „послѣдніе гніющіе остатки буржуазнаго строя“? Нѣтъ, они не думаютъ этого, не могутъ думать. Такъ съ кѣмъ же они солидаризируются? Совершенно очевидно: какъ разъ съ тѣми, противъ которыхъ въ 1870 году направлялъ всю свою дѣятельность Бакунинъ.

Докажемъ и это. Постараемся охватить эпоху, о которой идетъ рѣчь, и прослѣдить всю дѣятельность Бакунина за это время.

„Письма къ одному французу“ набирались въ типографіи Гильома, ближайшаго друга Бакунина, и вышли изъ печати около 20 сентября 1870 г. Они сдавались въ типографію постепенно, по мѣрѣ того, какъ Бакунинъ успѣвалъ писать ихъ. 31 августа Бакунинъ отправилъ въ Женеву Огареву третью часть продолженія ихъ и въ препроводительномъ письмѣ говорилъ ему:

„Передай немедленно эти листки изъ рукъ въ руки Озерову. Это продолженіе монхъ „Писемъ къ одному французу“,... въ которомъ я доказываю, что если соціализмъ во Франціи не будетъ непосредственнымъ результатомъ этой войны, то онъ надолго погибъ для всей Европы.“

Какъ уже отмѣчено выше, самъ Бакунинъ считалъ эти „Письма“ революціонной программой дѣйствія и — да замѣтятъ себѣ это тѣ, которые, нынѣ солидаризируясь съ Бріаномъ, кощунственно провозглашаютъ свою солидарность съ Бакунинымъ —онъ всецѣло согласовалъ линію своего личнаго поведенія съ этой программой.

Въ воскресенье, 4 сентября, отправляя Гильому для набора еще одно продолженіе, онъ на поляхъ стр. 96 рукописи написалъ ему:

„Конецъ пришлю послѣзавтра, а въ пятницу 9 сентября, уѣзжаю.“

Онъ ѣхалъ для того, чтобы на дѣлѣ осуществить то, о чемъ онъ говорилъ въ „Письмахъ къ одному французу“. И какъ это было непохоже на то, въ чемъ теперь хотятъ убѣдить насъ нѣкоторые бывшіе анархисты и что они дѣлаютъ! 6 сентября онъ писалъ въ Бернъ своему другу Адольфу Фогту.“

„Мои друзья, революціонные соціалисты Ліона, зовутъ меня пріѣхать къ нимъ. Я рѣшилъ понести туда свои старыя кости и, вѣроятно, сыграть свою послѣднюю партію...“

12 сентября Бакунинъ пріѣзжаетъ въ Женеву; тамъ онъ разыскиваетъ двухъ надежныхъ и энергичныхъ друзей, Озерова и поляка Ланкевича, которые съ восторгомъ принимаютъ его предложеніе ѣхать во Францію бороться за Соціальную Революцію, и съ ними вмѣстѣ 14 сентября уѣзжаетъ въ Ліонъ. Ланкевичъ былъ убитъ въ слѣдующемъ году во время Коммуны, сражаясь на передовыхъ позиціяхъ противъ версальцевъ.

Въ Ліонѣ уже съ 4 сентября съорганизовался и работалъ „Комитетъ Спасенія Франціи“, въ которомъ принимали участіе, наравнѣ съ радикально-буржуазными элементами, также и нѣсколько членовъ Интернаціонала. Но въ этомъ Комитетѣ царствовалъ полный хаосъ, политическія тенденціи его членовъ были различны и не согласовались другъ съ другомъ, единство дѣйствія не могло быть достигнуто.

Бакунинъ сразу уяснилъ себѣ все положеніе. Первымъ его дѣломъ было организовать чисто революціонную партію съ цѣлью вызвать народное возстаніе. 17 сентября онъ организовалъ громадное народное собраніе, на которомъ было рѣшено сформированіе „Центральнаго Комитета Спасенія Франціи.“ Члены этого Комитета были избраны на слѣдующій день и Бакунинъ принималъ участіе въ его засѣданіяхъ.

19 сентября онъ писалъ Огареву:

„Мой старый другъ! Сейчасъ получилъ твое письмо. Извини, что пропустилъ 5 дней, не давъ о себѣ вѣсти. Голова идетъ кругомъ, такъ много дѣла. Здѣсь революціи настоящей еще нѣтъ, но будетъ, и все готовится и дѣлается для настоящей революціи. Я иду на пакъ или пропалъ. Надѣюсь на близкое торжество.“

24 сентября вновь сформировавшійся Центральный Комитетъ созвалъ въ залѣ Ротонды новое народное собраніе, на которомъ предсѣдательствовалъ очень популярный среди ліонскаго населенія рабочій, маляръ Евгеній Сэнь. На этомъ собраніи были приняты рѣшенія большой важности, касающіяся смѣщенія офицеровъ, передачи военныхъ фортовъ національной гвардіи, принудительнаго обложенія капиталистовъ и пр. Слѣдующій день былъ цѣликомъ употребленъ на редактированіе и печатаніе громадной красной афиши, содержавшей программу Революціи, къ которой Центральный Комитетъ призывалъ населеніе. Аресты властей должны были быть произведены въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, но затѣмъ начало движенія было отсрочено на среду 28 сентября.

25 сентября Бакунинъ писалъ Огареву:

„Старый другъ! Немедленно пошлю тебѣ нашу прокламацію, зовущую народъ къ низверженію всѣхъ оставшихся и мѣшающихъ властей. Сегодня ночью арестуемъ всѣхъ главныхъ враговъ, завтра послѣдній бой и, надѣемся, торжество.“

26 сентября новое народное собраніе въ Ротондѣ, на которомъ Бовуаръ читаетъ текстъ возвѣщающей Революцію афиши. По окончаніи чтенія Евгеній Сэнь заявляетъ, что афиша будетъ расклеена по городу, и прибавляетъ:

„Подписавъ ее, мы, въ случаѣ неудачи, рискуемъ нашими головами. Но моментъ наступилъ! Побѣдить или умереть!“

Бакунинъ тоже подписалъ эту афишу наравнѣ съ другими членами Комитета. Его впослѣдствіи упрекали, что онъ, какъ иностранецъ, не долженъ былъ дѣлать этого. Онъ и самъ, видя связанныя съ этимъ неудобства, не хотѣлъ открыто давать своей подписи и рѣшился на это лишь по настоянію своихъ друзей. Кромѣ того онъ, какъ членъ Комитета, участвовавшій въ выработкѣ редакціи афиши, чувствовалъ себя морально обязаннымъ открыто принять на себя и отвѣтственность за нее, подписавъ ее.

Вотъ эта афиша:

Французская Республика.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ ФЕДЕРАЦІЯ КОММУНЪ.

Несчастное положеніе, въ которомъ находится страна, безсиліе оффиціальной власти и индифферентность привиллегированныхъ классовъ привели французскую націю на край гибели.

Если народъ, организованный революціонно, не поторопится дѣйствовать, его будущее потеряно, Революція потеряна, все погибло. Вдохновляемые громадностью опасности и принимая во вниманіе, что энергичное дѣйствіе народа не можетъ быть отсрочено ни на одно мгновеніе, делегаты объединенныхъ Федерацій Спасенія Франціи, съорганизовавшись въ Центральный Комитетъ, предлагаютъ немедля принять слѣдующія революціи:

Статья 1. Административный и правительственный государственный аппаратъ, ставъ безсильнымъ, отмѣняется. Французскій народъ является полнымъ хозяиномъ себя самого.

Ст. 2. Всѣ уголовные и гражданскіе трибуналы уничтожаются и замѣняются народнымъ правосудіемъ.

Ст. 3. Налоги и платежи по закладнымъ отмѣняются. Налоги замѣняются обложеніемъ, которое объединенныя въ Федерацію коммуны взимаютъ съ имущихъ классовъ въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ надобностямъ спасенія Франціи.

Ст. 4. Государство, переставши существовать, не можетъ больше настаивать на платежѣ частныхъ долговъ, вмѣшиваться въ частныя долговыя отношенія.

Ст. 5. Всѣ существующія муниципальныя организаціи отмѣняются и во всѣхъ федеративныхъ коммунахъ замѣняются Комитетами Спасенія Франціи, которые возьмутъ на себя всѣ исполнительныя функціи подъ непосредственнымъ контролемъ народа.

Ст. 6. Каждый Комитетъ столицы департамента избираетъ двухъ делегатовъ, которые всѣ вмѣстѣ образуютъ революціонный Конвентъ Спасенія Франціи.

Ст. 7. Этотъ Конвентъ немедленно соберется въ Ліонѣ, какъ второмъ городѣ Франціи, который наиболѣе способенъ озаботиться объ энергичной защитѣ страны.

Этотъ Конвентъ, опираясь на весь народъ, спасетъ Францію. Къ оружію!!!

---

28 сентября, какъ было навначено, въ Ліонѣ началось народное возстаніе, окончившееся неудачей вслѣдствіе предательства генерала Клюзера. Здѣсь не мѣсто говорить о послѣдующихъ событіяхъ, скажемъ лишь, что Бакунинъ былъ арестованъ властями въ городской ратушѣ, но освобожденъ солдатами національной гвардіи и на слѣдующій вечеръ уѣхалъ въ Марсель. Онъ надѣялся, какъ это явствуетъ изъ его письма отъ 8 октября къ Баллеріо, что въ Марселѣ ему удастся поднять новое и болѣе удачное революціонное возстаніе, что тогда движеніе, подавленное въ Ліонѣ, вновь разгорится и Франція, прев-

---

сами строятъ свое благополучіе на страданіяхъ другихъ, къ бѣднякамъ же, ко всѣмъ страдающимъ, онъ чувствовалъ нѣжную любовь и всегда, сколько могъ, помогалъ имъ. Стенька Разинъ по натурѣ, разбойникъ по профессіи и анархистъ по складу ума,—что стоило такому человѣку „динамитировать“ нѣсколькихъ чиновниковъ?

Возмущенный до глубины души полицейскими издѣвательствами надъ рабочимъ людомъ и лицемѣріемъ „правосудія“, Равашоль рѣшаетъ „дѣйствовать“. Онъ быстро находитъ себѣ помощниковъ и приступаетъ къ дѣлу.

Предпріятіе вполнѣ удалось. 11 марта взлетаетъ на воздухъ домъ на бульварѣ Сенъ-Жерменъ, въ которомъ жилъ предсѣдатель суда по дѣлу Дардара. 27 марта взлетаетъ домъ на улицѣ Клиши, въ которомъ жилъ прокуроръ.

Ни тутъ, ни тамъ жертвъ почти не было, за исключеніемъ небольшого числа раненыхъ, но моральное вліяніе этихъ покушеній было громадно. Весь Парижъ, Парижъ чиновниковъ, тунеядцевъ и богачей, былъ объятъ паническимъ ужасомъ. Тѣмъ болѣе, что „акты“ Равашоля были не единственными: 18 марта взорвалась еще одна бомба въ казармѣ Лобо.

Въ рабочихъ кварталахъ Сенъ-Этьена, Роана, Ліона и во множествѣ другихъ мѣстъ были произведены аресты. У всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ приверженности къ анархическимъ теоріямъ, были сдѣланы повальные обыски. Встревоженное и перепуганное общественное мнѣніе всюду видѣло бомбы. Суды и казенныя зданія охранялись усиленными полицейскими нарядами; всѣ, кто только имѣлъ основаніе быть причисленнымъ къ классу эксплуататоровъ, дрожали и забились по угламъ.

Но въ одинъ прекрасный день Равашоль былъ арестованъ. Оффиціантъ въ ресторанѣ Вэри, куда онъ зашелъ пообѣдать, узналъ его по примѣтамъ и, пока онъ ѣлъ, далъ знать полиціи.

Парижъ облегченно вздохнулъ. Кроты повылѣзли изъ своихъ норъ. Газеты, еще наканунѣ ругавшія полицію за неспособность, воспѣвали ей хвалебные гимны.

Наивные буржуа! Они думали, что съ арестомъ Равашоля террористы уничтожены и ихъ благополучіе впредь никогда ужъ не будетъ потревожено. Каковъ же былъ ихъ ужасъ, когда они увидѣли, что обманулись!

Въ самый день суда надъ Равашолемъ, утромъ, немного раньше открытія судебнаго засѣданія, Парижъ былъ оглушенъ страшнымъ взрывомъ. Это взлетѣлъ на воздухъ тотъ самый ресторанъ Вэри, въ которомъ былъ арестованъ Равашоль. На сей разъ осколками бомбы было ранено много народа и убито двое: хозяинъ ресторана и одинъ изъ посѣтителей.

Болѣе удачнаго момента нельзя было выбрать. Паника обуяла Парижъ. Судъ надъ Равашолемъ происходилъ подъ впечатлѣніемъ только что взорвавшейся бомбы и приговоръ былъ продиктованъ страхомъ. Вмѣсто смертной казни Равашоль получилъ лишь каторжныя работы. Впрочемъ, отсрочка ему дана была недолгая: его приговорили къ смертной казни два мѣсяца спустя, когда судили за уголовныя преступленія. Но объ этомъ послѣ.

2. Судъ надъ Равашолемъ.

Судебное засѣданіе открылось утромъ 26 апрѣля 1892 г.

На скамьѣ подсудимыхъ 5 человѣкъ:

1) *Равашоль*, котораго предсѣдатель суда прозвалъ „кавалеромъ динамита“,

2) *Симонъ*, мальчикъ 18 лѣтъ, веселаго нрава и отчаянный головорѣзъ, но совершенно несознательный и ни къ какой организаціи не принадлежавшій.

3. *Шомантэнъ*, подлый человѣкъ, игравшій въ процессѣ роль предателя,

4) *Бэала*, рабочій-металлистъ, боязливый и запуганный, но на судѣ державшійся прилично, старавшійся выпутаться самъ, но такъ, чтобы никого не впутать и не подвести.

5) *Маріетта Субрэ*, сожительница Бэалы, безцвѣтное существо, на всѣ вопросы отзывавшаяся незнаніемъ. Равашоль тоже старался выгородить ее, какъ и остальныхъ товарищей, взваливая рѣшительно все на свои собственныя плечи.

Зданіе суда охраняется усиленно. Пропускаютъ только по билетамъ. Зала переполнена адвокатами и журналистами.

Быстро читается обвинительный актъ и начинается допросъ Равашоля. Мы приводимъ его почти полностью, лишь съ небольшими выпусками.

Предсѣдатель. Васъ зовутъ Франсисъ-Августъ Кенигштейнъ, но вы болѣе извѣстны по фамиліи вашей матери, — Равашоль.

Равашоль. Имя не имѣетъ никакого значенія.

Пред. Вамъ 32 года. Вы никогда не были судимы, но по свѣдѣніямъ, имѣющимся у насъ, вы опасный преступникъ. На предварительномъ слѣдствіи вы не отрицали своихъ преступленій.

Равашоль. Наоборотъ, подтвердилъ.

Пред. У васъ нашли два револьвера, нитроглицеринъ, 25 картушей, фитили и вообще цѣлую химическую лабораторію. Вы признаете, что хранили все это?

Равашоль. Совершенно вѣрно.

Пред. Вы во всемъ признались на слѣдствіи, вы даже познакомили насъ съ вашимъ прошлымъ, въ частности съ двумя преступленіями, которыя вы совершили раньше. Я просилъ бы васъ разсказать о нихъ господамъ судьямъ.

Равашоль. Когда я говорилъ объ этомъ, я думалъ, что меня будутъ судить за все вмѣстѣ. Такъ какъ меня за это сейчасъ не судятъ, я отказываюсь отвѣчать.

Пред. Тогда я позволю себѣ разсказать за васъ. Это моя обязанность передъ судьями.

Предсѣдатель излагаетъ прошлое Равашоля и затѣмъ опять начинаетъ допросъ.

Пред. Когда вы пріѣхали изъ Сенъ-Этьена, вы привезли съ собою деньги. Сколько?

Равашоль. Шесть тысячъ франковъ.

Пред. Они были у васъ отъ ограбленія монаха?

Равашоль. Совершенно вѣрно.

ратившись въ колоссальную, могучую революціонную армію, вымететъ не только нѣмцевъ, а одновременно и „послѣдніе гніющіе остатки буржуазнаго строя.“

Вотъ въ чемъ заключался „патріотизмъ“ Бакунина, — патріотизмъ революціонера, у котораго есть только одно, обнимающее весь міръ отечество — Революція, и лишь одинъ, такой же всеобъемлющій идеалъ — **Анархія.**

Александръ Ге.

По поводу Конгресса о мирѣ.

(Письмо къ Шведамъ).

Милостивые государи!

Мысль, высказанная въ прекрасномъ письмѣ вашемъ о томъ, что всеобщее разоруженіе можетъ быть достигнуто самымъ легкимъ и вѣрнымъ путемъ посредствомъ отказа отдѣльныхъ лицъ отъ участія въ военной службѣ, — совершенно справедлива. Я даже думаю, что это единственный путь избавленія людей отъ все усиливающихся и усиливающихся ужаснѣйшихъ бѣдствій военщины. Мысль же ваша о томъ, что вопросъ о замѣнѣ воинской повинности для лицъ, отказывающихся отъ исполненія ея, общественными работами, можетъ быть разсматриваема на имѣющей, по предложенію царя, собраться конференціи, мнѣ кажется совершенно ошибочной, — уже по одному тому, что самая конференція не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ тѣхъ лицемѣрныхъ учрежденій, которыя имѣютъ цѣлью не достиженіе мира, но, напротивъ, скрытіе отъ людей того единственнаго средства достиженія всеобщаго мира, которое уже начинаютъ видѣть передовые люди.

Конференція, говорятъ, будетъ имѣть цѣлью если не разоруженіе, то прекращеніе увеличенія вооруженій. Предполагается, что на этой конференціи представители правительствъ условятся о томъ, чтобы не увеличивать больше своихъ вооруженій. Если это такъ, то невольно представляется вопросъ: какъ будутъ поступать правительства тѣхъ государствъ, которыя во время сбора конференціи случайно слабѣе, чѣмъ ихъ сосѣди? Едва-ли такія правительства согласятся и въ будущемъ оставаться въ такомъ же болѣе слабомъ, чѣмъ ихъ сосѣди, положеніи. Если-же они согласятся оставаться въ такомъ болѣе слабомъ положеніи, твердо вѣря въ силу постановленій конференціи, то имъ можно быть и еще слабѣе и вовсе не тратиться на войско.

Если-же дѣло конференціи будетъ состоять въ томъ, чтобы уравнять военныя силы государствъ и на этомъ остановиться, то если бы даже и могло быть достигнуто такое невозможное уравненіе, невольно возникаетъ вопросъ: почему правительства должны остановиться на такомъ вооруженіи, которое существуетъ теперь, а не на болѣе низкомъ? Почему нужно, чтобы у Германіи, Франціи, Россіи, скажемъ примѣрно, было по милліону солдатъ, а не по 500 тысячъ, не по 10 тысячъ, не по одной тысячѣ? Если можно уменьшать, то почему не уменьшить до минимума, и, наконецъ, почему бы не выставлять вмѣсто войскъ — борцовъ, Давида и Голіафа, и рѣшать международныя дѣла, смотря по тому, кто поборетъ?

Говорятъ: конфликты правительствъ будутъ рѣшаться третейскимъ судомъ. Но не говоря уже о томъ, что рѣшать дѣла будутъ не представители народа, *а представители правительствъ*, и потому нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что рѣшенія эти будутъ правильны, — кто-же будетъ приводить въ исполненіе рѣшенія этого суда? — Войска. — Чьи войска? — Всѣхъ державъ. — Но вѣдь сила этихъ державъ не равная. Кто, напримѣръ, приведетъ на континентѣ въ исполненіе рѣшеніе, которое, предположимъ, будетъ невыгодно для Германіи, Россіи или Франціи, соединенныхъ въ союзъ; или кто проведетъ на морѣ — рѣшеніе, противное интересамъ Англіи, Америки, Франціи? Рѣшенія третейскаго суда противъ военнаго насилія государствъ будутъ приводиться въ исполненіе военнымъ насиліемъ, т. е. *то самое, что нужно ограничить, будетъ средствомъ ограниченія.* Чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвостъ...

Пока есть войска, то они нужны для того, чтобы не только вновь пріобрѣтать, какъ это теперь дѣлаютъ всѣ государства, — кто въ Азіи, кто въ Африкѣ, кто въ Европѣ, — но и для того, чтобы удерживать силою то, что пріобрѣтено силою. А пріобрѣтать и удерживать силою можно только, побѣждая. И потому, если правительство имѣетъ войско, то оно должно имѣть его какъ можно больше. *И въ этомъ состоитъ его обязанность.* Если правительство не дѣлаетъ этого, то оно не нужно. Правительство можетъ дѣлать очень многое во внутреннемъ управленіи: можетъ освобождать, просвѣщать, обогащать народъ, строить дороги, каналы, колонизировать пустыни, устраивать общественныя работы, но одного не можетъ дѣлать, именно того, для чего собирается конференція, т. е. *уменьшать свои военныя силы.*

Если же цѣль конференціи, какъ это видно изъ послѣднихъ разъясненій, будетъ состоять въ томъ, чтобы изъять изъ употребленія представляющіяся людямъ особенно жестокими орудія истребленія (почему бы въ томъ числѣ и прежде всего не постараться изъять за одно и перехватываніе писемъ, подмѣну телеграммъ, и шпіонство, и всѣ тѣ ужасающія подлости, которыя составляютъ необходимое условіе военной обороны?), — то такое запрещеніе пользоваться для борьбы всѣми тѣми средствами, которыя есть, совершенно такъ же невозможно, какъ запрещеніе людямъ, которые дерутся за свою жизнь, касаться въ дракѣ наиболѣе чувствительныхъ частей тѣла. И почему рана и смерть отъ разрывной пули хуже, чѣмъ рана въ очень болѣзненное мѣсто отъ самой простой пули или осколка, отъ которыхъ страданія доходятъ до послѣдней степени, и наступаетъ та же самая смерть, какъ и отъ какого-бы то ни было орудія?

Поразительно, какъ могутъ взрослые и душевно здоровые люди серьезно высказывать такія странныя мысли....

Какъ могутъ честные частные люди не видѣть того, что результатомъ этой конференціи не можетъ быть ничего другого, какъ только закрѣпленіе того обмана, въ которомъ правительства держатъ своихъ подданныхъ, какъ это было при священномъ союзѣ Александра I-го?

Конференція будетъ имѣть цѣлью не установленіе мира, а сокрытіе отъ людей единственнаго средства освобожденія ихъ отъ бѣдствій войны, состоящаго въ отказахъ отдѣльныхъ лицъ отъ участія въ военномъ убійствѣ, и потому конференція никакъ не можетъ принять на обсужденіе этого вопроса.....

Правительства не могутъ поступать иначе потому, что, управляя своими подданными силою, которую составляетъ дисциплинированное войско, они никакъ не могутъ предоставить уменьшеніе этой силы и слѣдовательно своей власти случайнымъ настроеніямъ частныхъ лицъ, тѣмъ болѣе, что по всѣмъ вѣроятіямъ, какъ только была бы допущена для всѣхъ замѣна военной службы — рабочей, то огромное большинство людей (никто не любитъ убивать и быть убитымъ) предпочло бы работу военной службѣ, *и очень скоро набралось бы столько рабочихъ и такъ мало осталось бы военныхъ, что некому бы было заставлять работать рабочихъ.*

Запутавшіеся въ своемъ многословіи либералы, соціалисты и другіе, такъ называемые передовые дѣятели, могутъ воображать, что ихъ рѣчи въ палатахъ и собраніяхъ, ихъ союзы, стачки, брошюры суть явленія очень важныя, но что отказы отдѣльныхъ лицъ отъ военной службы суть ничтожныя, на которыя не стоитъ обращать вниманія; но правительства знаютъ очень хорошо, что для нихъ важно, и что не важно, *и правительства охотно допускаютъ всякія либеральныя и радикальныя рѣчи въ рейхстагахъ, и союзы рабочихъ, и соціалистическія демонстраціи, и даже сами дѣлаютъ видъ, что сочувствуютъ этому, зная, что эти явленія очень полезны для нихъ, отвлекая вниманіе народовъ отъ главнаго и единственнаго средства освобожденія; — но никогда открыто не допустятъ отказовъ отъ военной службы или отказовъ отъ податей для военной службы (что одно и то же), потому что знаютъ, что такіе отказы, обнажая обманъ правительствъ, подъ корень подрываютъ власть ихъ.*

До тѣхъ поръ пока правительства будутъ управлять своими народами силою и будутъ желать, какъ теперь, пріобрѣтать новыя владѣнія (Филиппины, Портъ Артуръ и т. п.) и удерживать пріобрѣтенныя (Польшу, Эльзасъ, Индію, Алжиръ и т. п.), до тѣхъ поръ они сами не только никогда не уменьшатъ войскъ, но напротивъ будутъ постоянно увеличивать ихъ.

На дняхъ было извѣстіе о томъ, что американскій полкъ отказался идти въ Ило-Ило. Извѣстіе это передается какъ нѣчто удивительное. А между тѣмъ удивляться можно только тому, какъ такія явленія не повторяются постоянно: какимъ образомъ могли всѣ тѣ русскіе, нѣмецкіе, французскіе, итальянскіе, американскіе люди, воевавшіе въ послѣднее время по волѣ чужихъ и, большей частью, неуважаемыхъ ими людей, идти убивать людей другого народа и самимъ подвергаться страданіямъ и смерти?

Казалось бы такъ ясно и естественно всѣмъ этимъ людямъ опомниться, если еще не въ то время, когда ихъ вербовали въ солдаты, то хоть въ послѣднюю минуту, когда ихъ ведутъ на непріятеля: остановиться, бросить ружья и закричать противникамъ, чтобы и они сдѣлали то-же.

Казалось бы, это такъ просто, естественно, что всѣ должны бы поступать такъ. Но если люди не поступаютъ такъ, то происходитъ оно только отъ того, что люди вѣрятъ правительствамъ, увѣряющимъ ихъ, что всѣ тѣ тяжести, которыя несутъ люди для войны, накладываются на нихъ для ихъ-же блага. *Всѣ правительства съ поразительной наглостью всегда увѣряли и увѣряютъ, что всѣ тѣ военныя приготовленія и даже самыя войны, которыя они ведутъ, нужны для мира.* Теперь въ этой области лицемѣрія и обмана дѣлается еще новый шагъ, состоящій въ томъ, что *тѣ самыя правительства, для существованія которыхъ необходимы войска и войны, дѣлаютъ видъ, что они озабочены изысканіемъ мѣръ для сокращенія войскъ и уничтоженія войнъ.* Правительства хотятъ увѣ-

---

Предс. Вы прибыли въ Сенъ-Дени подъ именемъ Леона Лежэ. Почему?

Равашоль. Потому что мое имя было извѣстно полиціи.

Предс. По пріѣздѣ вы пошли къ Шомантэну. Кто далъ вамъ его адресъ?

Равашоль (улыбаясь). Не помню. А если бы и помнилъ, то тоже не сказалъ бы.

Предс. Вы были у Шомантэна, когда рѣшено было взорвать домъ господина Бенуа. Какіе мотивы руководили вами?

Равашоль. Чувство гнѣва и негодованія за то, что г. Бенуа велъ пристрастно процессъ Дардара и Декама.

Предс. А когда вы взрывали домъ господина Бюло? Что руководило вами тогда?

Равашоль. О, этотъ господинъ требовалъ смертной казни для отцовъ семейства, дѣти которыхъ должны были быть подобраны товарищами и жены которыхъ были обречены на голодъ и нужду! Онъ, въ своей обвинительной рѣчи, совершенно не принялъ во вниманіе, что полиція подвергла истязаніямъ Декама, Дардара и Левелье. А ихъ истязали почти до смерти. Имъ даже не хотѣли дать воды, чтобы промыть раны!

Предс. Вы намѣревались взорвать динамитомъ полицейскій участокъ въ Клиши. Почему?

Равашоль. Все за то же. Въ этомъ участкѣ истязали Декама.

Предс. Васъ тамъ не было, — откуда же вамъ это было извѣстно?

Равашоль. Васъ тоже не было въ Шзмблѣ, когда я грабилъ монаха.

Предс. Впослѣдствіи вы отказались отъ проекта взорвать участокъ. Почему вы раздумали?

Равашоль. Потому что я рѣшилъ взорвать кое-кого чиномъ повыше.

Предс. Да, но вамъ кромѣ того помѣшало совершить преступленіе присутствіе полицейскаго на посту?

Равашоль. О, это мнѣ не помѣшало бы!

Предс. Это вѣрно. Вы хотѣли убить полицейскаго?

Равашоль. Да, хотѣлъ, но Симонъ и Бэала удержали меня.

Предс. Тогда вы рѣшили убить господина Бенуа. Кто далъ вамъ его адресъ?

Равашоль. Одинъ знакомый.

Предс. Какой знакомый, — Симонъ?

Равашоль. Не скажу.

Симонъ (съ мѣста, насмѣшливо). Такъ точно, я!

Предс. Получивъ адресъ, вы 11 марта принесли къ Бэалѣ бомбу. Что сдѣлали вы потомъ?

Равашоль. Сѣлъ въ трамвай, доѣхалъ до бульвара Сенъ-Жерменъ, поднялся на второй этажъ и положилъ бомбу.

Предс. Вы были вооружены?

Равашоль. Да, двумя револьверами.

Предс. Вы были одѣты очень прилично, какъ всегда, впрочемъ?

Равашоль. Да, такъ, какъ сейчасъ.

Предс. На васъ былъ цилиндръ. Зачѣмъ?

Равашоль. Чтобы не возбудить подозрѣній.

Предс. Вы подожгли фитиль и ушли. Когда произошелъ взрывъ?

Равашоль (улыбаясь, какъ бы при воспоминаніи о большой неосторожности). Я вышелъ. Если бы домъ обвалился, то онъ придавилъ бы меня.

Предс. Выйдя, вы встрѣтились съ Симономъ и Бэалой?

Равашоль. Не желаю отвѣчать.

Предс. День 13 марта вы провели съ Симономъ. Что вы дѣлали?

Равашоль. Не помню. А, да, мы дѣлали нитроглицеринъ.

Предс. 27 марта былъ взрывъ на улицѣ Клиши. Разскажите о немъ.

Равашоль. Съ большимъ удовольствіемъ. Даже съ подробностями, если вамъ это пріятно. Я вышелъ изъ дому въ шесть часовъ двадцать минутъ съ динамитной бомбой.

Предс. Это былъ ужасный снарядъ.

Равашоль. Да, довольно хорошо сдѣланъ (движеніе въ публикѣ). Я доѣхалъ омнибусомъ до дома № 39, вынулъ изъ корзинки бомбу, поднялся на второй этажъ. Фитиль былъ приблизительно въ девяносто сантиметровъ длиною, что позволило мнѣ отойти отъ дома на пятьдесятъ метровъ, прежде чѣмъ бомба взорвалась.

Предс. Взрывъ былъ ужасный.

Равашоль. Я прочелъ объ этомъ въ вечернихъ газетахъ.

Предс. Что дѣлали вы потомъ?

Равашоль. Около часа ходилъ по Парижу, затѣмъ пошелъ завтракать.

Предс. Да, вы зашли въ ресторанъ Вэри, гдѣ васъ и арестовали.

По окончаніи допроса Равашоль прочелъ слѣдующее заявленіе:

„Я произвелъ взрывы, о которыхъ идетъ рѣчь потому что г. Бенуа былъ пристрастенъ, когда судили Декама и его друзей, и потому что г. Бюло не хотѣлъ принять во вниманіе полицейскихъ истязаній надъ ними.

„Поэтому я направилъ свою месть противъ нихъ. Но я также хотѣлъ дать понять всѣмъ тѣмъ, кто вершитъ правосудіе, что они должны быть болѣе мягки, если хотятъ, чтобы съ ними поступали лучше.

„Я жалѣю о невинныхъ жертвахъ, которыя пострадали отъ моихъ актовъ. Я жалѣю также о томъ, что рядомъ со мною сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ люди, единственный проступокъ которыхъ заключается въ томъ, что они меня знали. Я дѣйствовалъ отъ имени Анархіи, которая станетъ той большой человѣческой семьей, гдѣ каждый будетъ сытъ. Я хотѣлъ терроризировать, для того чтобы люди обратили на насъ вниманіе и поняли, что мы являемся дѣйствительными защитниками угнетенныхъ.“

Предс. Еще одинъ вопросъ. Я уже спрашивалъ васъ объ этомъ на предварительномъ слѣдствіи. Должно имѣться еще триста-четыреста динамитныхъ картушей, которыя вы изготовили. Гдѣ они?

Равашоль. Этого я вамъ не скажу.

Предс. Послѣдній вопросъ. У васъ былъ найденъ также стрихнинъ. Для какой цѣли вы держали его?

Равашоль. На случай надобности. Про запасъ.

Этимъ закончился допросъ Равашоля. Допросъ остальныхъ обвиняемыхъ и свидѣтелей интереса не представляетъ.

рить народы, что отдѣльнымъ людямъ нечего заботиться объ избавленіи себя отъ войны; сами правительства на своихъ конференціяхъ устроятъ такъ, что сначала уменьшатся, а потомъ и совсѣмъ уничтожатся войска. Но это — неправда.

Уменьшиться и уничтожиться войска могутъ только противъ воли, а никакъ не по волѣ правительствъ. Уменьшатся и уничтожатся войска только тогда, когда люди перестанутъ довѣрять правительствамъ и будутъ сами искать спасенія отъ удручающихъ ихъ бѣдствій, и будутъ искать этого спасенія не въ сложныхъ и утонченныхъ комбинаціяхъ дипломатовъ, а въ простомъ исполненіи обязательнаго для каждаго человѣка, написаннаго и во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ и въ сердцѣ каждаго человѣка закона о томъ, чтобы не дѣлать другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, тѣмъ болѣе *не убивать своего ближняго.*

Уменьшатся, а потомъ и уничтожатся войска только тогда, *когда общественное мнѣніе будетъ клеймить позоромъ людей, продающихъ изъ за страха или выгоды свою свободу и становящихся въ ряды убійцъ, называемыхъ войскомъ;* а людей, — теперь неизвѣстныхъ и даже осуждаемыхъ, — которые, несмотря на всѣ гоненія и страданія, переносимыя ими за это, отказываются, отдавъ свою свободу въ руки другихъ людей, стать опять орудіями убійства, — будетъ выставлять тѣмъ, что они есть: передовыми борцами и благодѣтелями человѣчества.

Только тогда сначала уменьшатся, а потомъ совсѣмъ уничтожатся войска и наступитъ новая эра въ жизни человѣчества.

И время это близко.

И вотъ почему я думаю, что мысль ваша о томъ, что отказы отъ воинской повинности суть явленія огромной важности и что они освободятъ человѣчество отъ бѣдствій военщины, — совершенно справедлива; мысль же ваша, что этому можетъ содѣйствовать конференція, — совершенно ошибочна. *Конференція можетъ только отвести глаза народа отъ единственнаго средства спасенія и освобожденія.*

Л. Н. Толстой.

Москва, Январь 1899 г.

Къ разгрому „Арбейтерфрейнда".

Бѣжавшій изъ „свободной" Англіи въ Америку т. Я. прислалъ намъ съ дороги, изъ Христіаніи, слѣдующую замѣтку для опубликованія:

„Арбейтерфрейндъ" разгромленъ и закрытъ. Шрифты конфискованы, машины сломаны. Шапиро получилъ за статью 6 мѣс. тюрьмы, Линдеръ и еще одинъ товарищъ по 3 мѣсяца. Жена и сынъ Роккера арестованы. Въ Лондонѣ организовался русско-еврейскій комитетъ для пропаганды противъ милитаризма и, въ частности, противъ попытки ввести обязательную воинскую повинность для русско-поданныхъ. Этотъ комитетъ выпустилъ антимилитаристское воззваніе, которое и послужило поводомъ къ разгрому „Арбейтерфрейнда".

Комментаріи излишни. Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ, провозгласившій на весь свѣтъ, что „всякій человѣкъ, который хочетъ сдѣлать что нибудь полезное для спасенія европейской цивилизаціи, долженъ помогать пораженію прусскаго милитаризма", несомнѣнно долженъ считать аресты нашихъ товарищей, произведенные правительствомъ англійскаго короля, весьма полезнымъ дѣломъ съ точки зрѣнія спасенія европейской цивилизаціи, ибо наши товарищи, выступая противъ войны, ужасно мѣшали сэру Асквиту огнемъ и мечемъ насаждать въ Европѣ высшую культуру. Вѣдь, и въ тюрьму то ихъ посадили именно за то, что они мѣшали. Вотъ русскій царь, тотъ — другое дѣло, тотъ помогаетъ, ибо онъ поднялъ всю Русь противъ прусскаго милитаризма для спасенія дорогой ему европейской цивилизаціи и, въ священномъ предвидѣніи, давно уже перегноилъ по тюрьмамъ и перевѣшалъ всѣхъ революціонеровъ. Японскій микадо тоже помогаетъ... Индусскій магараджа тоже... Плехановъ тоже...

Бѣдная европейская цивилизація! Бѣдный Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ! Проклятая логика! **Э.**

Судъ приговорилъ Равашоля и Симона къ пожизненной каторгѣ. Бэала, Маріетта Субэръ и предатель Шомантэнъ были оправданы.

Общественное мнѣніе было недовольно мягкостью приговора, оно ждало для Равашоля смертной казни, надѣясь, что строгій примѣръ послужитъ анархистамъ на устрашеніе. Но послѣдующія событія показали, что эти ожиданія неосновательны: у Равашоля были послѣдователи, которые болѣе выпукло, болѣе ясно, чѣмъ онъ, отдавали себѣ отчетъ въ конечныхъ цѣляхъ Анархіи и которыхъ смертная казнь тоже не пугала.

Равашоль былъ приговоренъ къ смертной казни два мѣсяца спустя, когда его судили за уголовныя преступленія. Онъ встрѣтилъ приговоръ съ улыбкой и возгласомъ „Да здравствуетъ Анархія!"

Его казнили 10 іюля. Онъ умеръ, какъ анархистъ. Онъ не желалъ принять никакой милости отъ буржуазнаго общества, которое ненавидѣлъ. Онъ отказался подать кассаціонную жалобу, когда ему предложили сдѣлать это, и также отказался подписать прошеніе о помилованіи.

Онъ ожидалъ свой послѣдній часъ съ рѣдкимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ. На эшафотъ онъ всходилъ, громко напѣвая веселую пѣсенку:

Чортъ побери, чтобъ счастливымъ быть,
Надо всѣхъ собственниковъ убить!
Чортъ побери, чтобъ счастливымъ быть,
Надо поповъ всѣхъ передушить!
Чортъ побери, чтобъ счастливымъ быть,
Надо самого Господа Бога казнить!

Взойдя на подмостки, онъ хотѣлъ произнести рѣчь, но палачи потащили его къ плахѣ. „Да здравствуетъ Револ...", лишь могъ онъ крикнуть, но кончить не успѣлъ. Гильотина перерѣзала слово вмѣстѣ съ шеей.

(Продолженіе слѣдуетъ). **Книжникъ.**

† С. Г. ФРУГЪ

Русскія газеты принесли вѣсть о смерти извѣстнаго поэта Семена Григорьевича Фруга.

Творчество Фруга очень богато главнымъ образомъ еврейскими національными мотивами. Онъ былъ приверженцемъ сіонизма и вѣрилъ въ возможность возрожденія Іудеи.

Муза его мечтательная, меланхолическая, грустная, всегда была проникнута теплой вѣрою въ осуществимость далекаго идеала. И вѣря самъ, онъ будилъ чувство бодрости въ другихъ:

Не поникли вы гордой своей головой,
Вы не пали рабами безсилья,
И на трудъ и борьбу, средь лишеній и бѣдъ,
Но съ великимъ залогомъ грядущихъ побѣдъ,
Унесли васъ свободныя крылья.

Но иногда, видя трудности борьбы и угнетеніе своего народа, онъ переживалъ моменты безисходной тоски. Глубокое отчаяніе охватывало душу и крылья безсильно опускались:

И безъ просвѣта ночь... и безъ конца неволя...
Рыдать и все рыдать... О, какъ же ты горька,
Какъ ненавистна ты, мучительная доля
Пѣвца—гробовщика!

Литературное наслѣдіе Фруга очень велико, но не особенно разносторонне,—оно почти всегда отражало либо стремленія еврейскаго народа, либо библейски-молитвенное настроеніе. Но муза его—чистая, всегда искренняя, чуждая позы, рисовки и тѣхъ „изломовъ", которые отталкиваютъ отъ нездоровой современной поэзіи.

Въ лицѣ Фруга русская литература теряетъ большую творческую силу, русская литературная семья—отзывчиваго, вдумчиваго и богато одареннаго товарища. Каждый, кому приходилось лично встрѣчаться съ С. Г., съ искренней болью почувствуетъ его утрату.

Н. Г.

Они не любятъ насъ.....

Почтовое Отдѣленіе, черезъ которое была произведена *часть* экспедиціи прошлаго номера въ Америку, прислало намъ слѣдующее оффиціальное

УВѢДОМЛЕНІЕ:

„Мы извѣщены, что 10 заказныхъ пакетовъ, адресованныхъ въ Нью-Іоркъ, 1 въ Детройтъ, 1 въ Филадельфію, 1 въ Рочестеръ, и 23 въ другіе города Америки, конфискованы англійскими военными властями".

21 октября 1916.

Почтовое Отдѣленіе въ.....

Для насъ исключительное вниманіе, удѣляемое „Рабочему Знамени" французскими и англійскими военными властями, — отнюдь не новость. Французскія военныя власти начали конфисковать насъ со 2-го номера, а англійскія съ нѣкоторымъ запозданіемъ, послѣ № 4-го, помѣстили фотографическій снимокъ первой страницы „Р. З". въ англійскихъ журналахъ для свѣдѣнія тѣхъ, „кому вѣдать надлежитъ".

Такое-же увѣдомленіе, какъ вышеприведенное, получено нами и относительно брошюры „Бакунинъ и Марксъ", которая тоже не пропущена въ Америку.

Это, конечно, не помѣшало отдѣльнымъ номерамъ „Р. З." и отдѣльнымъ экземплярамъ брошюры проникнуть туда, какъ это явствуетъ изъ полученныхъ нами писемъ.

Мы примемъ всѣ мѣры къ тому, чтобы обойти цензурныя рогатки „самой культурной" страны въ мірѣ.

Редакція „Рабочаго Знамени."

Революція Ливерпульской Группы.

Прочитавъ въ № 6 „Р. З". заявленіе товарища Александра Ге и ознакомившись съ резолюціей женевской группы, мы, группа русскихъ рабочихъ-анархистовъ г. Ливерпуля, настоящимъ заявляемъ, что какъ мы раньше поддерживали „Р. З.", такъ будемъ поддерживать его и впредь. Въ наши задачи совсѣмъ не входитъ губить анархическое печатное слово изъ за желанія нѣкоторыхъ товарищей создать „редакціонный вопросъ". Наоборотъ, мы привѣтствуемъ это слово. Что-же касается, въ частности, „Р. З", то оно всегда выражало наши мысли и чувства и мы лишь высказываемъ пожеланіе, чтобы оно и впередь велось въ томъ же духѣ и направленіи. При этомъ намъ совершенно безразлично, является ли редакція его многоличной или единоличной. „Редакціонный вопросъ" насъ просто не интересуетъ.

Если же тт. женевцы пожелаютъ издавать свой *собственный* органъ, то, поскольку онъ будетъ принципіально выдержанъ въ желательномъ намъ духѣ, онъ тоже встрѣтитъ съ нашей стороны сочувствіе и поддержку.

Въ заключеніе мы выражаемъ надежду, что всѣ товарищи, которымъ дорого анархическое слово, впредь будутъ поддерживать „Раб. Зн.", какъ органъ, неуклонно отстаивающій дорогіе всѣмъ намъ принципы анархическаго коммунизма.

По порученію товарищей.

Т. Самсоновъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Редакціей „Рабочаго Знамени" полученъ цѣлый рядъ писемъ аналогичнаго содержанія изъ Швейцаріи, Англіи, Норвегіи, Америки и *Россіи.* Особенный интересъ представляетъ собою письмо изъ Россіи какъ доказательство глубокой идейной работы, которая тамъ происходитъ, и того сочувствія, какимъ встрѣчены тамъ, въ передовыхъ рабочихъ кругахъ, принципы, развиваемые „Рабочимъ Знаменемъ". Письмо это публикаціи пока не подлежитъ, отмѣтимъ лишь, что „Рабочему Знамени" впредь обезпечено прониканіе въ заинтересованные круги на мѣстахъ.

Почтовый ящикъ.

К-у, Россія. — Письмо получено. Очень рады, желаемъ успѣха.

Штр-у, Лондонъ. — Письмо получено лишь черезъ полтора мѣсяца. Необходимое выслано. Пишите чаще, дабы не терять связи.

Ф. А., Лондонъ. — Опять давно нѣтъ писемъ. Постарайтесь преодолѣть техническія затрудненія.

Друзьямъ во Франціи. — Дайте знать о себѣ.

Редакціямъ дружественныхъ газетъ въ Америкѣ. — Ввиду перехватыванія „Рабочаго Знамени" англійскими и французскими военными властями, **перепечатывайте** тѣ статьи, которыя найдете нужными.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТЪ

въ пользу анархо-коммунистической газеты „Рабочее Знамя".

	шилл.	пенс.
Квасюкъ	2	6
Т. Самсоновъ	3	—
М. Иванченокъ	3	6
Ив. Т.	2	—
Х.	2	6
Илья Воронинъ	1	—
За продажу брошюры „Бакунинъ и Марксъ"	2	6
	17	—

Настоящій подписной листъ устроенъ группою товарищей. Ливерпуль, 20 августа 1916 г.

Т. Самсоновъ. Квасюкъ. Ю. Римденко.

Кассовый отчетъ до № 7 „Рабочаго Знамени."

Приходъ.	фр.
Осталось въ кассѣ	420.25
Отъ т. Р. въ Шо-де-Фонѣ	5.—
„ т. Самсонова, Ливерпуль	8.50
„ т. Нѣмчинова, „	21 20
„ т. Римденко, „	8 70
„ Русской Группы а.-к. въ Россіи	6.20
„ т. Рогдаева, Женева	4.40
„ т. Абраши, Цюрихъ	1.50
„ С Р. Р. въ Детройтѣ	10.30
Спеціальный фондъ.	
Оставалось въ кассѣ	11.—
Отъ т. Римденко, Ливерпуль	8.60
„ т. Р. въ Шо-де-Фонѣ. за брошюры	7.50
„ т. Н. Рогдаева, Женева „	2 80
„ т. Самсонова, Ливерпуль	50.—
„ Д. за продажу брошюръ	3.50
„ Е. К. на литературу	10.—
„ жены Б. на литературу	35.—
	128.40
Итого фр.	614 45

Расходъ.	фр.
Организаціонные расходы	18.20
Канцелярскіе „	7.10
Почтово-телегр. „	47.30
т. М-у за французское воззваніе	22.25
К. Л. за разобранный наборъ	36 25
По счету типографіи за № 6	285 80
Экспедиція № 6	79.30
3 добавочныхъ экспедиціи	34.—
Спеціальный фондъ.	
По счету типографіи за франц. брошюру	57.90
Экспедиція ея	34.70
По счету типографіи за брошюру „Бак. и Марксъ"	115.60
Экспедиція ея	45.75
	253.95
Итого фр.	784.15

Дефицитъ.	
Въ кассѣ „Рабочаго Знамени"	44.15
„ Спеціальнаго фонда	125.55
Всего фр.	169 70

Деньги на покрытіе дефицита внесены заимообразно товарищемъ Х. Дефицитъ Спеціальнаго фонда будетъ покрытъ доходомъ съ предпріятія, которое устраивается, и поступленіями за литературу. Дефицитъ за газету тоже, вѣроятно, покроется поступленіями за продажу ея. Но № 7 не обезпеченъ и необходимо, чтобы товарищи приложили усилія къ покрытію его стоимости.

Editeur responsable Clovis Pignat, Vouvry (Valais)

Imprimerie de Davos S.-A. Davos-Platz.